

Пятница 5-го Декабря 1914 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто петроградскихъ театровъ

Александринский театр.

«Сестры Кедровы».

Автор «Сестры Кедровых» г. Григорьев-Истомин, заявивший накануне спектакля интервью, что каждый акт его пьесы можно ставить отдельно, оказался до известной степени правь.

«Сестры Кедровы» — это не только ряд эпизодов, слабо связанных между собой, но и пестрый kaleidoscope сцен, стабилизирующихся друг с другом чисто случайно, без внутренней, психологической необходимости. Эти быстро набросанные картинки родного захолустья даны автором почти «под Чехова» — в чеховских тонах мягкого, умеренно-грустного юмора. И это, право, вышло недурно и обличает искренность писателя. Скакого настроения, хоть и навязливого — ну уж несть! — забывшимся автором «Чайки» и «Трех сестер».

«Сестры Кедровы» — это тоже «три сестры», издыхающая по Москве, которую им пришлось покинуть, и перебраться в захолустье, где их душит сплетня и чопорная мораль жеман-салонниц. Правда, сходство на этом и кончается, ибо у Чехова каждая из сестер представляет собой совершенно самостоятельный характер, и живет своей особой жизнью, а здесь все трое по своей распылчатой психике сливаются в сущности в одну фигуру провинциальной модисточки, которая не думает ни о чем, кроме того, когда после работы зовут к себе знакомых и устраивает с ними импровизированные сь выпивкой и закуской танцевальные вечера. Сказать правду: — в принципе здесь трудно поверить, и автор напрасно старается идеализовать своих хорошеньких портних...

Несмотря на откровенную подражательность

и калейдоскопичности, пьеса г. Григорьева-Истомина выгодно выделяется из очень и очень многих пьесовых последних дней. У автора живое, быстрое перо, наблюдательность, хороший литературный язык, чувство сцены, неопределенный диалог. Напролом дитя мучу выдумных лиц, они сумели их так распланировать, что они идут не мешают друг другу, сумели дать каждому маленький выигрышный момент. Основное же «чеховское» настроение, проникающее «Сестры Кедровых», воспринимается зрителем легко и подчас в полете, в легкой мечтательности.

Во всяком случае, в качестве первого дебюта на подиуме драматурга автор дал безусловно удачную вещь, которая еще более выиграла от превосходного исполнения на сцене Александринского театра.

«Сестры Кедровы» — пьеса ансамбля в полном смысле слова и по огромному числу участвующих персонажей, и по эпизодичности даже поставленных в центр фигур. Спасть всю эту сцену в один художественный рельеф — было нелегкое, но оно замечательно удалось нашим артистам и обнаружившему отличный вкус режиссеру г. Долинову. Постановка его и вообще очень тщательная — в спектакле есть (широкая и скандаль у сестры) прямо поразительная своей силой изменчивость. Такие разнообразные картинные группировки, как все естественно и искусно движется, облеченное в плоть и кровь сценического «двигателя»!

Отдельные исполнители также достойны высокой похвалы — они сданы из пьесы подлинную «натуру», лишнюю рвостей утрированного, подчеркнутого реализма и смелую тон-

кимъ художественнымъ чутьемъ. Какія великолѣпныя фигуры дали, напримѣръ, гг. Давыдовъ и Ураловъ—первый въ роли счастливца управца, а второй въ роли полицейскаго пристава!.. Оба прямо просились на полотно. Изъ «сестеръ» необычайно женственна и трогательна была г-жа Тихе (Маша), но обѣ другія—г-жи Руничъ-Давыдова и Домашева сдѣлали свои роли безконечно милыми, привлекательными. Г-жа Домашева рѣзвилась, какъ ребенокъ, и это было очень граціозное зрѣлище. Выдержанно до мелочей играла забытую вдову-чиновницу г-жа Шаровьева. Очень деликатно воплощала г. Ходотовъ «мягущуюся душу» музыканта, которому такъ хочется согрѣвающей женской ласки. Очень характеренъ г. Петровскій. Отлично играли гг. Студенцовъ г. Вертышевъ, Усачевъ... Да всѣхъ—не перечесть, но повторяю, то, что здѣсь сдѣлалъ общій, по истинѣ запечатлѣнный высокой художественностью, артистическій трудъ, свидѣтельствовало о полномъ «боевомъ порядкѣ» Александринской арміи.

Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ. Автора послѣ третьяго и четвертаго актовъ очень дружно вызывали.

Вольмаръ.